

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Марта. № 6. 1877 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Библейскій догматъ о происхожденіи и сущности грѣха *).

Свѣтлымъ и отраднымъ представляется намъ въ св. Писаніи первобытное состояніе первозданныхъ людей. Первобытное время—по св. Писанію—было блаженнымъ, счастливымъ временемъ, когда первозданный человѣкъ былъ еще совершенно свободенъ отъ всякаго грѣха и находился въ самыхъ близкихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ своему Творцу, Который, бесѣдовалъ съ нимъ, былъ его наставникомъ

¹⁾ Оконч. См. № 4-й.

и воспитателемъ и осѣнялъ его своею всемошною благодатію, пока своимъ нравственнымъ паденіемъ человекъ не разорвалъ такой связи съ Творцемъ. Такимъ образомъ, существенное ученіе св. Писанія о первобытномъ времени заключается въ изображеніи невиннаго состоянія человека и потери этого состоянія чрезъ грѣхъ или паденіе. Въ чемъ же состояло это невинное состояніе человека, и какимъ образомъ онъ лишился его?

Большая часть нѣмецкихъ богослововъ при объясненіи характеристики невиннаго состоянія прибѣгаютъ къ аналогіи того состоянія съ невиннымъ состояніемъ малютокъ въ томъ фазисѣ ихъ развитія, въ которомъ уже мелькаетъ и раскрывается въ нихъ самосознаніе. Но теорія аналогичности невиннаго состоянія съ дѣтскимъ не можетъ быть допущена православнымъ богословіемъ. — Состояніе невинности малютокъ имѣетъ и величайшее различіе съ невиннымъ состояніемъ первыхъ людей. Невинность малютки имѣетъ аналогію съ невинностью перваго человека развѣ только по отношенію къ личной волѣ малютки, которая еще не имѣла случаевъ къ проявленію грѣха, такъ какъ теперь жизнь его еще не принесла испытаній душѣ и не вызвала еще нравственного зла. Но невинный малютка уже въ своей природѣ унаслѣдовалъ отъ родителей наклонность къ злу или грѣховность, тогда какъ первый человекъ былъ чуждъ и совершенно свободенъ отъ такого роковаго наслѣдства. Впрочемъ, хотя первозданный человекъ непосредственно вышедшій изъ рукъ своего Творца, имѣлъ природу, вполне отвѣчающую своему назначенію, но его все-таки никакъ нельзя называть нравственно-совершеннымъ, — совершеннымъ въ смыслѣ оконченности своего

развитія, всецѣлаго осуществленія началъ своей природы. Мыслить сотворенное существо, одаренное свободою, совершеннымъ отъ перваго момента его бытія было бы неосновательно потому, что это противорѣчило бы самому понятію объ ограниченномъ существѣ, которое должно заключать въ себѣ только возможность къ полному нравственному совершенству, это противорѣчило бы и существу нравственной природы духа человѣческаго. Существо или типъ нравственности послѣдняго составляетъ его самостоятельная личность, въ силу которой онъ долженъ осуществлять начала своей природы своею собственною самодѣятельностію, — долженъ самоусовершеншать себя и путемъ собственныхъ свободныхъ усилій уничтожать въ себѣ самую возможность зла; въ противномъ случаѣ, человѣкъ, созданный окрѣпшимъ въ добрѣ и съ полнымъ нравственнымъ совершенствомъ, поэтому самому былъ бы несвободнымъ, такъ какъ лишенъ былъ бы всякой возможности самоусовершеншать себя собственною самодѣятельностію, а отсюда онъ и не былъ бы нравственнымъ существомъ. Далѣе, допущеніе возможности полнаго совершенства первозданнаго человѣка съ перваго момента его появленія на свѣтъ противорѣчило бы присущему духовно-нравственной природѣ человѣка нравственному закону, или нравственному идеалу, мотивирующему человѣка къ извѣстной соотвѣтственной дѣятельности. Такой идеалъ никогда для человѣка не достижимъ, болѣе и болѣе расширяясь въ его сознаніи соразмѣрно духовному развитію его. Духовному же развитію человѣка нельзя положить предѣла, — оно безконечно, стало-быть и идеалъ, къ осуществленію котораго человѣкъ стремится, безконеченъ; онъ безконеченъ, потому что онъ есть

первообразъ нашего духа—Богъ, понятіе о Которомъ означаетъ идеалъ наивысшаго совершенства—идеаль, воплощенный въ Немъ какъ Существо, имѣющемъ реальное бытіе и служащемъ основой всякаго другаго реального бытія. Поэтому, мнѣніе о полномъ духовно-нравственномъ развитіи перваго человѣка опровергается противорѣчіемъ его христіанскому ученію о назначеніи человѣка. Послѣдній предназначенъ стремиться къ безконечному нравственному идеалу. Отсюда постоянное и постепенное развитіе и совершенствованіе—это лишь цѣль, которую человѣкъ долженъ былъ имѣть въ виду. По всему этому, было бы ошибкою мыслить первозданнаго человѣка имѣющимъ полное нравственное совершенство съ самаго появленія своего на свѣтъ. Тѣ, которые думаютъ видѣть въ первозданномъ человѣкѣ полную законченность нравственнаго развитія, смѣшиваютъ возможность онаго развитія съ самымъ осуществленіемъ этой возможности. Первобытный невинный человѣкъ имѣлъ въ своей природѣ способность и стремленіе къ нравственному совершенству, но онъ не самоопредѣлилъ еще себя и не направилъ своей свободы къ проявленію и осуществленію этой способности и стремленія. Итакъ, присуще человѣку стремленіе къ своему назначенію,—стремленіе, которое должно было побудить его твердо рѣшиться къ фактическому осуществленію этого стремленія, самодѣтельно укоренить его въ себѣ и сдѣлать невозможнымъ уклоненіе его въ противоположную сторону, но сдѣлать этого пока еще онъ не рѣшился—вотъ *первая* черта для характеристики нравственнаго состоянія невинности перваго человѣка. Имѣя внутреннее духовное стремленіе къ своему назначенію, человѣкъ, однакожъ, могъ и не подчи-

ниться этому стремленію, могъ, если не совершенно уничтожить его, то заглушить, или же извратить его. Возможность зла необходимо предполагается самою свободою первозданнаго; но только эта возможность не имѣла принудительнаго значенія, въ противномъ случаѣ, т. е. отсутствіе этой возможности или же роковая необходимость ее противорѣчила бы истинному понятію свободы. Возможность зла, требующуюся свободою, никоимъ образомъ нельзя представлять, если только мы не хотимъ противорѣчить правильному понятію свободы, какъ исключаящему всякую необходимость, — нельзя представлять скрытую необходимость осуществленія подобно физическимъ возможностямъ, (напримѣръ, возможность появленія растенія изъ зерна скрываетъ въ себѣ необходимость осуществленія при извѣстныхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ); — нѣтъ, нравственная возможность зла къ свободѣ была исключительно возможностью, существовавшей въ одномъ только абстрактъ и безусловно свободной отъ необходимости осуществленія, что доказываетъ намъ примѣръ добрыхъ духовъ, у которыхъ эта возможность навсегда осталась одною только возможностью, не переходящею въ осуществленіе. Паденіе первыхъ людей было бы дѣломъ человѣческой свободы. Паденіе могло бы, при другомъ движеніи человѣческой свободы, остаться возможностью.

Итакъ, возможность нравственнаго зла, предполагаемая самымъ понятіемъ свободы, — возможность, которую первозданный человѣкъ долженъ былъ уничтожить въ виду противорѣчія осуществленія ея (возможности) назначенію своей природы, но которую онъ еще и не осуществилъ и не уничтожилъ совер-

шенно— вотъ *другая* черта, характеризующая нравственное состояніе первозданныхъ людей.

Такимъ образомъ, состояніе невинности есть такое состояніе природы человѣка, которое, хотя и имѣетъ присущее стремленіе къ добру, но это стремленіе не обратилось еще въ сознательный навѣкъ въ добродѣтель; съ другой стороны, состояніе невинности заключало въ себѣ потенцію грѣха, еще не осуществленную *de facto*. Невинный человѣкъ не выработалъ еще себѣ, такъ сказать, нравственной фیزیогноміи. И въ этомъ отношеніи нравственное положеніе его было неопредѣленное, неустановившееся и неупрочившееся въ одномъ извѣстномъ направленіи. Человѣкъ сознательно, силою своей воли, долженъ былъ выйти изъ такого нерѣшительнаго состоянія невинности. Исходъ изъ такого состоянія былъ двоякій: или самоопредѣленіе себя къ добру, или же удаленіе себя отъ добра, паденіе, грѣхъ. Отъ рѣшенія человѣкомъ такого или другаго исхода зависѣла вся послѣдующая участь, весь послѣдующій строй его жизни. Если бы первозданный человѣкъ, отправляясь отъ того состоянія души, въ которомъ грѣхъ существуетъ только въ качествѣ одной возможности, или иначе—отъ состоянія невинности,—если бы онъ путемъ рефлексіи сознательно опредѣлилъ и направилъ себя къ доброй дѣятельности, то онъ безпрестанно преодолѣвалъ бы тѣ или другія препятствія, стѣсняющія его такую дѣятельность. Преодолѣвая силою своей воли разныя внѣшнія препятствія своему принятому доброму направленію, человѣкъ болѣе и болѣе укрѣплялъ бы себя въ этомъ направленіи, такъ что потомъ онъ долженъ былъ взойти на степень состоянія совершенства или святости,—состоянія все-

цѣлой любви добра,—такого состоянія, въ которомъ свобода выбора между добромъ и зломъ остается тѣмъ же, что на языкѣ философіи извѣстно подъ именемъ абстрактной возможности, а фактическое осуществленіе этой возможности въ реальномъ дѣйствіи, или грѣхъ становится въ такомъ состояніи нравственно невозможнымъ; словомъ, возможность нравственнаго зла никогда уже не могла бы перейти въ дѣйствительность, и принятое человекомъ доброе направленіе перешло бы въ принципъ, въ природу. Подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующій психологическій фактъ. Когда мы совершаемъ добровольно какое либо дѣйствіе нѣсколько разъ, тогда такое дѣйствіе обращается намъ въ привычку, а привычка создаетъ въ насъ силу, мотивъ воли. Привычка вросаетъ въ самую глубь нашего сердца, гдѣ она является въ насъ любовію, которая превращается въ существо нашей природы. Откровеніе сообщаетъ намъ, что такимъ именно путемъ совершенно окрѣпли въ добръ небожители. Такимъ же, аналогичнымъ съ ангельскимъ, путемъ долженъ былъ идти и первозданный человекъ. Но послѣдній поступилъ совершенно иначе, чѣмъ ангелы: вмѣсто того, чтобы самоопредѣлить себя неуклонно идти по этому пути, человекъ ударился въ противоположную сторону,—онъ захотѣлъ осуществить и дѣйствительно осуществилъ возможность зла. Какова же была эта возможность нравственнаго зла, сознавалъ ли ее первозданный невинный человекъ и какимъ именно образомъ онъ осуществилъ ее въ своей дѣятельности?

Какъ созданный по образу и подобію Божію, человекъ имѣлъ въ своей духовной природѣ—умственной и нравственной—внутреннее влеченіе къ единенію съ

своимъ Виновникомъ и Первообразомъ. Прибавимъ къ этому еще частную заповѣдь, которая Творцемъ изречена была человѣку въ раю въ формѣ запрещенія — вкушать плодовъ отъ древа познанія *). Заповѣдь эта, не смотря на свое отношеніе къ частному случаю жизни, или къ частному предмету дѣятельности, проявляла въ себѣ весь духъ нравственнаго закона, сущность и принципъ требованій котораго — любовь и преданность волѣ Божіей; она восполняла прирожденный нравственный законъ и усиливала внутреннее стремленіе къ осуществленію его; вмѣстѣ съ заповѣдію Творцемъ были изречены угрозы, какъ неизбежный результатъ нарушенія ея, чѣмъ еще болѣе должно было быть гарантированнымъ уваженіе къ нравственному закону и заповѣди, которые направлены были къ единенію человѣка съ Богомъ. По всему этому, первозданные люди были вполне преданы Богу — своему Творцу. Они были именно тѣми дѣтьми, на подражаніе которымъ указалъ Спаситель, какъ на главное условіе для вступленія въ Его благодатное царство, были дѣтьми въ томъ смыслѣ, что въ отношеніяхъ своихъ къ Богу, имѣли тѣ же свойства, какія имѣютъ дѣти въ отношеніяхъ къ своимъ родителямъ, т. е. преданность и послушаніе. И первозданный человѣкъ, безъ сомнѣнія, такъ же понималъ свою жизнь въ отношеніи къ Творцу, какъ апостолъ Павелъ въ отношеніи къ Спасителю: *живу не къ тому азъ, но живу во мнѣ*

*) Необходимость этой заповѣди обуславливалась самою природою человѣческаго духа, по существу которой человѣкъ долженъ быть въ необходимой связи и соотношеніи съ Богомъ; въ силу же такого его соотношенія съ Последнимъ — требовалъ непосредственнаго Божьяго вліянія на опре-

Христосъ (Гал. 2, 8). Законъ или предписание воли Божіей и субъективная воля человѣка были между собою совершенно солидарны и сливались въ одно стремленіе. Заповѣди, предписываемыя Богомъ, нисколько не служили стѣсненіемъ для воли человѣка, потому что онѣ требовали того, къ чему стремится воля въ силу высшихъ своихъ естественныхъ стремленій. Вотъ чѣмъ объясняется непосредственная близость отношеній первозданнаго человѣка къ Богу. А при такой близости отношеній къ Богу невинный человѣкъ самъ собою никоимъ образомъ не признавалъ возможности зла—возможности идти противъ законовъ высшей своей природы, противъ воли Божіей, выраженіемъ которой служатъ эти законы. Словомъ, невинный человѣкъ не подозрѣвалъ возможности удаленія себя отъ Бога и обособленія, т. е. не подозрѣвалъ возможности противопоставить свою собственную волю волѣ Божіей или закону Божію. (А въ этой-то возможности обособленія себя и заключалась для человѣка возможность зла; она-то и была мотивомъ, противостоящимъ внутреннему духовному импульсу, побуждающему къ единенію съ Богомъ). Эту возможность, по допущенію Божію, открылъ человѣку духъ—искуситель, и такимъ образомъ поставилъ его свободу подъ вліяніе двухъ противоположныхъ побужденій. Именно, искуситель указалъ человѣку на возможность поставить свою волю въ независимость отъ высочайшей воли, соблазняя его заманчивою мечтою—сдѣлаться самому богомъ. Какое же изъ указанныхъ побужденій было дѣленіе и установленіе правильныхъ и прочныхъ отношеній къ Нему. Одними же чисто инстинктивными отношеніями человѣкъ не могъ довольствоваться...

сильнѣе въ невинномъ человѣкѣ, — побужденіе ли къ добру или побужденіе къ злу? Безъ сомнѣнія, первое. Въ свободѣ первозданнаго человѣка несравненно больше было шансовъ для добра, чѣмъ для зла. Для добра былъ законъ, вложенный въ самую природу, долженствовавшій гарантировать свободу человѣка отъ увлеченія къ грѣху; для зла же существовала одна только абстрактная возможность. И не смотря на все это, человѣкъ за хотѣлъ осуществить эту возможность. Осуществленіе ея и есть нравственное зло или грѣхъ, который такимъ образомъ есть обособленіе человѣка, изолированное отъ союза съ Богомъ; или иначе: который есть удаленіе человѣка отъ Бога, разъединеніе съ Нимъ, происшедшее отъ того, что человѣкъ болѣе надлежащаго далъ волю своимъ низшимъ стремленіямъ въ ущербъ стремленіямъ высшимъ, духовнымъ, тяготѣющимъ къ союзу съ Богомъ.

Такимъ образомъ, въ чемъ же заключается сущность грѣха и его начало? Что побудило свободу человѣка склоняться на убѣжденія искушителя — поступить вопреки своему стремленію, т. е. разорвать союзъ съ Богомъ, — какой былъ мотивъ къ тому? Видимая природа разъединить человѣка съ Богомъ, отторгнуть его отъ любви къ Нему, не могла, потому что въ ней онъ не могъ найти не только лучшаго, но даже равнаго себѣ существа, (что замѣтилъ первый человѣкъ при нареченіи именъ животных). Остается, стало быть, одно побужденіе, которое въ состояніи было заставить его волю отрѣшиться отъ Бога, — это чрезмѣрная любовь къ самому себѣ, къ своей собственной личности, своей индивидуальной волѣ, которую онъ, какъ существо свободное, могъ поставить на мѣсто воли Божіей. Что именно такое

чрезмѣрное самолюбіе было мотивомъ къ преслушанію заповѣди Божіей и паденію человѣка, это показываетъ дьявольское искушеніе, которому поддался человѣкъ; сущность этого искушенія резюмируется такъ: „ты самъ для себя будешь богомъ.“ Стремленіе къ полной независимости отъ Бога, желаніе самому сдѣлаться богомъ—вотъ внутреннее искушеніе для первозданнаго человѣка. Далѣе, подтвержденіе мысли о самолюбіи—какъ мотивъ и основѣ грѣха—выражается и въ словахъ, сказанныхъ Богомъ въ совѣтѣ св. Троицы: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ* (Быт. 3, 21.). Въ противоположность І. Христу, второму Адаму, Который имѣлъ полное равенство съ Богомъ по самому своему естеству, а не по восхищенію,—первый Адамъ *восхищеніемъ непцева быти равенъ Богу* (Фил. 2, 6—8). И Спаситель въ притчѣ о блудномъ сынѣ символически изображаетъ паденіе человѣка какъ разрывъ его съ Богомъ, мотивируемый желаніемъ полной независимости отъ Него,—именно изъ притчи видно, что погибель блуднаго сына начинается желаніемъ отдѣлиться отъ отца, выдти изъ — подъ его опеки и сдѣлаться независимымъ и полновластнымъ господиномъ своей воли и судьбы. Итакъ, чрезмѣрное самолюбіе, желаніе быть совершенно независимымъ отъ Бога и равнымъ Ему—вотъ мотивъ непослушанія человѣка Богу, разединенія съ Нимъ. Самолюбіе обнаруживается въ двухъ видахъ: въ чрезмѣрной привязанности—въ ущербъ любви къ Богу и къ людямъ—къ своему я, или же въ чрезмѣрной привязанности къ плоти и міру чувственному *). Отсюда, два главныхъ и основныхъ

*) Это не значить, что всякая любовь къ себѣ самому и чувственному міру—грѣховна. Въ надлежащихъ предѣлахъ

момента заключается въ сущности грѣха: во первыхъ, эгоизмъ, или исключительное погруженіе въ себя и разрывъ союза съ Богомъ, удаленіе отъ Него, происходящее вслѣдствіе ослабленія расположенности и любви къ Богу; и во вторыхъ, преобладаніе или перевѣсъ чувственности надъ духомъ—это другой видъ и проявленіе того же эгоизма, такъ какъ духъ отдается постыдному поработченію плоти исключитель-но въ видахъ удовлетворенія себя, своего самолюбія.

Понятно, какой результатъ должно произвести самолюбіе—какъ основа грѣха—въ нравственной области человѣка. Если въ самолюбіи человѣкъ вопреки существу ему стремленію къ безконечному, никогда недостижимому, идеалу погружается въ свою собственную личность и внѣшнюю чувственность и остается вполне довольнымъ самимъ собою: то, очевидно, вслѣдствіе такого самодовольства человѣкъ, по отношенію къ своему духовно-нравственному развитію, обрекаетъ себя на всегдашній застой, на одну и ту же точку замерзанія. Самодовольство парализуетъ и даже совершенно убиваетъ духовное развитіе человѣка, производитъ духовную смерть. Поэтому самолюбіе противоестественно; оно противорѣчитъ природѣ нашего духа, противорѣчитъ ея нравственному инстинкту и закону. По природѣ человѣкъ всѣми силами своего духа обращенъ къ Богу: умъ его стремится къ истинѣ, воля—къ добру, чувство—къ любви

эта любовь сколько естественна, столько же и не предосудительна предъ судомъ нравственнаго,—т. е. если эта любовь будетъ гораздо въ меньшей степени, чѣмъ въ какой любовь къ Богу: любить же въ одинаковой степени и себя, и Бога, и міръ психологически невозможно. Непрерываемо истинны слова Спасителя: не можете служить Богу и мамонѣ...

и блаженству; высочайшею же истиною, высочайшимъ добромъ и любовію служить Богъ. Следовательно, удалившись отъ Бога и погрузившись въ себя самого, человѣкъ удаляется отъ истины, добра и любви и тѣмъ извращаетъ коренныя стремленія своей природы.— Впрочемъ, самолюбіе не можетъ совершенно уничтожить присущаго нашей духовной природѣ религіозно-нравственнаго инстинкта, или стремленія къ Божеству, — оно только извращаетъ эти инстинкты, направляя ихъ въ свою пользу. Исторія представляетъ намъ въ подтвержденіе такого взгляда весьма знаменательный фактъ, состоящій въ двойствѣ существенныхъ формъ языческой религіи, соотвѣствующихъ вышесказаннымъ двумъ существеннымъ формамъ проявленія грѣха—эгоизма и чувственности. Такъ извѣстно, что прервавши свое надлежащее религіозное соотношеніе съ истиннымъ Богомъ, человѣчество въ своей исторической жизни поставляло предметъ религіозныхъ отношеній или въ себѣ же самомъ (антропоморфизмъ), или въ чувственной природѣ, понимаемой въ конкретѣ, или же понимаемой въ одной разсудочной абстракціи (сюда относятся всѣ виды натуралистической религіи: фетишизмъ и пр.). Въ основѣ этихъ двухъ формъ языческой религіи лежитъ самолюбіе, какъ главный факторъ ихъ: и въ той и въ другой формѣ человѣкъ вокругъ себя ничего не видѣлъ кромѣ себя.

Грѣхъ первозданнаго человѣка имѣетъ значеніе не индивидуальное, ограничивающееся только имъ однимъ, но имѣетъ значеніе всеобщее, потому что первозданный представлялъ собою совокупность всего человѣчества, былъ главою, сѣменемъ и зароды-

шемъ всего послѣдующаго человѣческаго рода. Всякій человѣкъ, кромѣ своего личнаго существованія, имѣетъ еще коллективное—въ силу солидарности всего рода человѣческаго. По причинѣ такой солидарности человѣчества, первородный грѣхъ, совершенный нашими прародителями, сообщается по наслѣдству и всѣмъ людямъ. Въ такомъ сообщеніи и переходѣ прародительскаго грѣха непонятнаго для насъ ничего нѣтъ. Опытъ показываетъ намъ, что дѣти наслѣдуютъ отъ родителей свойства и качества душевныя и тѣлесныя, на примѣръ: предрасположеніе къ извѣстнымъ болѣзнямъ, наклонность къ извѣстнымъ порокамъ и занятіямъ и пр. Естественная нравственная порча, переходящая путемъ наслѣдственности чрезъ рожденіе, доказывается простымъ наблюденіемъ надъ младенцами, въ которыхъ прежде пробужденія разумнаго сознанія и раскрытія свободнаго употребленія воли, прежде всякихъ воспринятыхъ ими убѣжденій дѣйствіемъ воспитанія, обнаруживаются дурныя расположенія къ гнѣву, мстительности, капризу и разнымъ прихотямъ, притворству, лжи и т. п. Всѣ эти явленія доказываютъ врожденность человѣку нравственнаго зла. Фактъ общности грѣха подтверждается настоящимъ ненормальнымъ состояніемъ нашей природы—результатомъ грѣха. Ненормальность эта заключается въ непреодолимой наклонности каждаго человѣка ко грѣху, въ извращенномъ отношеніи человѣка къ Богу и внѣшнему міру. Въ этомъ извращеніи коренятся и имъ обуславливаются всѣ, существующія въ мірѣ, бѣдствія и несчастія, а также неустройство и безпорядокъ въ видимой природѣ, которая имѣетъ са-

мую тѣсную и непосредственную связь съ человекомъ, какъ своимъ владыкою.

Итакъ, христіанское ученіе о грѣхѣ представляетъ намъ печальную картину грустнаго событія, совершеннаго нашимъ прародителемъ,—событія, которое произвело рѣшительный кризисъ и катастрофу въ природѣ послѣдняго и наложило особый, своеобразный строй и складъ на его духовную жизнь, равно какъ и на жизнь дальнѣйшихъ потомственныхъ генерацій всего человѣческаго рода.—Догматъ паденія имѣетъ величайшее значеніе въ ряду другихъ догматовъ христіанской вѣры. На немъ основывается величайшій фактъ домостроительства нашего спасенія—искупленіе. Послѣднее связывается съ фактомъ грѣха и его релультатами. Грѣхъ поставилъ человека въ самое неестественное и ненормальное отношеніе къ Богу и въ дисгармонію ко всей природѣ. И вотъ Спаситель возстановляетъ прежнія отношенія и прежній союзъ человека съ Богомъ, (Іоан. XVII, 28). Другой результатъ грѣха, кромѣ дисгармоніи отношеній человека къ Богу и природѣ,—это нравственная порча въ природѣ человека. И вотъ Христосъ перерождаетъ насъ, призываетъ насъ къ новой жизни, къ отложенію ветхаго человека и къ преобразованію въ новаго (2 Кор. V, 17). Наконецъ, третьимъ результатомъ грѣха было омраченіе ума, а отсюда—заблужденіе и затемнѣніе идеала истины и добра. И вотъ Христосъ представляетъ намъ высочайшій идеаль въ своей собственной личности (Іоан. XIV, 6). Отсюда, христіанство, возвѣщенное Христомъ Спасителемъ, есть радикальное врачебное средство отъ духовной смертоносной язвы—отъ грѣ-

ха. По лекарству можно судить о болѣзни пациента и наоборот. И дѣйствительно, если сущность грѣха заключается, какъ выше было сказано, въ слѣдующихъ моментахъ: въ разрывѣ союза съ Богомъ, въ извращеніи нашей нормальной природы, въ эгоизмѣ и крайней чувственности; то напротивъ сущность христіанства заключается въ слѣдующихъ моментахъ: въ примиреніи или возстановленіи нашего союза съ Богомъ и въ возстановленіи настоящей нашей нормальной природы. Христосъ показалъ въ себѣ идеаль чистаго, совершеннаго человѣчества, какимъ оно должно быть по своей идеѣ, потому Онъ и называется у апостола вторымъ Адамомъ. Въ послан. къ Римл., пятой главѣ апостоль проводитъ параллель между Адамомъ и Христомъ. Какъ Адамъ есть глава человѣчества по естественному происхожденію отъ него всѣхъ людей: такъ Христосъ есть глава своей Церкви по духовному или благодатному соединенію съ Нимъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Отсюда, какъ отъ перваго мы наследуемъ грѣховность, такъ отъ Втораго — праведность.

Изъ сказаннаго о величайшемъ значеніи христіанства вытекаетъ слѣдующее специфическое ученіе его о добродѣтели и грѣхѣ. Добродѣтель состоитъ въ сообразности съ дѣломъ христіанскаго искупленія. А такая сообразность состоитъ въ *вѣрѣ*, или въ принятіи и усвоеніи всего, что благоволили Богъ открыть намъ о Себѣ. *Ся есть заповѣдь Отца небеснаго, да вѣруемъ во имя Сына Его Иисуса Христа.* Такая вѣра служитъ необходимымъ условіемъ вѣчной жизни и спасенія (Іоан. 17, 31). Напротивъ грѣхъ — по христіанскому воззрѣнію — есть несообразность чловѣка

съ дѣломъ христіанскаго искупленія, нежеланіе и нерасположенность принятія и усвоенія въ своей жизни ученія, возвѣщеннаго Христомъ. *Все, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть.* (Римл. 14, 14.).

Е. Успенскій.

Чтенія изъ пророческихъ книгъ при богослуженіи страстной седмицы.

(Объясненіе текста).

Чтенія изъ пророковъ при богослуженіи страстной седмицы представляютъ собою или отдѣлы рѣчей, или же цѣлыя рѣчи. Въ первомъ случаѣ положеніе въ рѣчи избираемаго отдѣла, его значеніе и связь съ цѣлою рѣчью пророка остаются для слушающихъ непонятны. Въ обоихъ случаяхъ знаніе историческаго происхожденія рѣчи, — обстоятельство, по поводу которыхъ произносится рѣчь, — состоянія слушателей, которымъ назначается рѣчь, — знаніе всего этого необходимо для пониманія самаго содержанія рѣчей. Содержаніе этихъ рѣчей глубоко, неистощимо по своему внутреннему смыслу. Рѣчи эти имѣли значеніе не для еврейскаго только общества; будучи по своему характеру пророческими рѣчами, онѣ образно говорятъ о Мессіи, основателѣ новаго, христіанскаго общества; ученіе этихъ рѣчей имѣетъ значеніе для всякаго человѣка. Отсюда выясненіе смысла этихъ рѣчей становится возможнымъ только подъ авторитетомъ пониманія и толкованія Церкви. Текстъ этихъ рѣчей, какъ произведеній поэтическихъ и при-

томъ произведеній самаго древняго времени, представляет много особенностей, иногда трудностей, уясненіе которыхъ необходимо для сознательнаго усвоенія читаемаго при богослуженіи.

Изъ пророка Исаи въ великій четвертокъ читается слѣдующій отдѣлъ: гл. 50 отъ 4 ст. до конца. Это чтеніе взято изъ второй половины книги пр. Исаи, которая содержитъ въ себѣ пророчества о вавилонскомъ плѣнѣ, объ освобожденіи изъ плѣна и о временахъ Мессіи. Мысль пророка въ этихъ рѣчахъ незамѣтно переходитъ отъ одного изъ указанныхъ событій къ другому; между ними, по мысли пророка, неразрывная связь; эти событія суть ступени въ развитіи и завершеніи исторіи еврейскаго народа. Послѣ плѣна, который необходимъ для самаго народа, какъ исправительное средство, приводящее народъ къ сознательному усвоенію и слѣдованію закону Іеговы, — наступить свобода для народа, возвращеніе его въ свое отечество; но это радостное событіе народной жизни служить только прообразомъ другого, болѣе важнаго, событія общечеловѣческой исторіи: существенной перемѣны въ состояніи всего человѣчества, — искупленія Христомъ, какъ освобожденія отъ рабства грѣху. Этотъ взглядъ пророка на предсказываемыя событія проводится и въ настоящей рѣчи. Указывая народу истинную причину его несчастій въ его отпаденіи отъ Бога; убѣждая народъ, что средства спасенія для него не потеряны, пророкъ переносится мыслею въ отдаленное будущее, онъ говоритъ о величайшемъ и чудесномъ средствѣ спасенія человѣка — явленіи на землю и страданіяхъ Отрока Господня.

80 Тако глаголетъ Господь: кая книга отпушенія матери вашей, ея же отпустихъ ю: или коему заимодавцу продахъ вы; се грѣхми вашими продастеся, и беззаконій ради вашихъ отпустихъ мать вашу. ст. 1-й.

81 Общая мысль этого вступленія такая: причина народныхъ несчастій — отпаденіе народа отъ Бога, нарушеніе, прекращеніе завѣтныхъ отношеній между Богомъ и народомъ. Не Богъ нарушилъ завѣтъ, установливавшій взаимныя отношенія между Богомъ и народомъ; это нарушеніе совершилось, если такъ можно выразиться, вопреки волѣ самого Бога; самъ народъ сталъ внѣ этого завѣта — договора, онъ отказался исполнять тѣ условія договора, исполнять которыя поклялся при заключеніи этого завѣта. Рѣчь пророка здѣсь образная: предки народа, его представители при заключеніи синайскаго завѣта, называются матерью настоящаго поколѣнія. Эта мать народа называется у пророка женою самого Бога. Эта образная рѣчь часто встрѣчается у пророковъ для выраженія самыхъ тѣсныхъ, искреннихъ отношеній между Богомъ и народомъ, который свободно вступилъ съ Нимъ въ особый союзъ (Ис. 54, 1—7; Іезек. 16 гл.)

82 Гдѣ разводное письмо вашей матери, съ которымъ Я отпустилъ ее? — Народъ живетъ теперь внѣ завѣтныхъ отношеній къ Богу, въ народѣ даже не видно стремленія возобновить эти тѣсныя отношенія къ своему Богу. Еще мать наша, думаетъ народъ, нарушила эти отношенія, она уже стала женою другого мужа (имѣется въ виду идолопоклонство народа); возстановить эти отношенія, разсуждаетъ народъ, едва ли возможно и по буквѣ самаго закона. Какъ-бы устра-

няя подобныя мысли народа, пророкъ доказываетъ возможность возстановить прежнія заветныя отношенія ссылкой на самый законъ.

Разъ нарушенный бракъ по закону Моисея не могъ быть возстановленъ снова при слѣдующихъ условіяхъ: „Если жена не найдетъ благоволенія въ глазахъ мужа.... и онъ напишетъ ей разводное письмо и дастъ ей въ руки и отпуститъ ее изъ дома своего; если она пойдетъ и выйдетъ за другого мужа (въ образной рѣчи пророка этотъ случай—служеніе чужимъ богамъ) и онъ напишетъ ей разводное письмо и дастъ ей въ руки и отпуститъ ее изъ дома своего..... то не можетъ первый ея мужъ, отпустившій ее, опять взять ее себѣ въ жену.... (Втор. 24, 1—4).

Главное условіе невозможности возстановить нарушенный бракъ—по этому закону—существованіе разводнаго письма, даннаго женѣ ея мужемъ. Съ юридической точки зрѣнія законъ этотъ не приложимъ къ народу въ его настоящемъ положеніи: мать народа, вступившая въ союзъ съ Богомъ, нарушая этотъ союзъ, не получила, однако, разводнаго письма отъ своего мужа; остается легальная возможность возстановить брачный союзъ. Пророкъ Іеремія, направляя свою рѣчь противъ подобнаго же упорства народа въ раскаяніи, объясняетъ указанный законъ, прилагая его къ положенію народа слѣдующимъ образомъ: „Говорятъ: если мужъ отпуститъ жену свою, а она отойдетъ отъ него и сдѣлается женою другого мужа; то можетъ ли она возвратиться къ нему? Не осквернилась ли бы этимъ страна та? А ты (народъ) со многими любовниками блудодѣйствовала; и однако же возвратись ко мнѣ, говоритъ Господь (Іерм. 3, 1.).

Выясняя ту же мысль, далѣе пророкъ отъ лица Господа говорить: или *какому изъ моихъ заимодавцевъ я продалъ васъ?* — Здѣсь имѣется въ виду другое условіе закона, затрудняющее для женщины вступленіе въ бракъ. — Законъ гласитъ: „Если кто продаетъ дочь свою въ рабыни; то она не можетъ выйти, какъ выходятъ рабы. Если она не угодна господину своему, и онъ не обручитъ ее: пусть позволить выкупить ее“ (Исх. 21, 7—8.). Въ настоящемъ состояніи народа нѣтъ ни одного изъ указанныхъ условій въ законѣ: народъ еврейскій не дочь, проданная отцомъ за долги своимъ заимодавцамъ; онъ свободная дочь Бога и можетъ свободно рас- олатать своимъ бракомъ, за него не нужно платить выкупъ. Причина нарушенія заключеннаго завѣта, говоритъ пророкъ, въ васъ самихъ (народъ); *„вы проданы за грѣхи свои и за преступленія ваши отпущена мать ваша.“*

Что яко приидохъ, и не быше чловѣки зваѣи и небы по слушающаго. ст. 2-й.

Если завѣтъ съ Богомъ нарушенъ самимъ народомъ свободно; если, нарушивши разъ свой союзъ, народъ сохраняетъ за собою законное право возстановить его и, не смотря на все это, не желаетъ воспользо- ваться своимъ правомъ; то, быть можетъ, народъ такъ поступаетъ въ силу разумныхъ основаній: этотъ союзъ оказался для него не выгоднымъ; одинъ изъ договаривающихся, быть можетъ, не исполняетъ и не въ силахъ исполнить взятыхъ имъ на себя обязательствъ? Этихъ разумныхъ основаній, говоритъ пророкъ, въ данномъ случаѣ нѣтъ. *„Разъ рука моя коротка стала для того, чтобы избавлять, или нѣтъ силы во мнѣ, чтобы спасти?“* Силы и средствъ испол-

нять этотъ договоръ достаточно, и условія этого договора дѣйствительно выполняются.

Се запрещеніемъ моимъ опустошу море и положу рѣки пусты, и иссохнутъ рыбы ихъ не сущей водѣ и умрутъ жаждою. ст. 2-й.

Описывая могущество Бога, проявляющееся въ необычайныхъ явленіяхъ природы, пророкъ говоритъ языкомъ поэтическимъ, каждымъ одного образомъ онъ намекаетъ на какое либо событіе изъ народной исторіи. „Я изсушаю море превращаю рѣки въ пустыню. Это часто повторяемый въ библіи образъ для описанія всемогущества Божія (Псл. 105, 9, 103, 7—6“). Съ другой стороны эти указанія на чудесныя событія во время путешествія евреевъ въ землю обѣтованія (Исх. 14, 21—22). „Рыбы въ нихъ (рѣкахъ) гниютъ отъ недостатка воды и умираютъ отъ жажды. А древнѣйшій историкъ этого народа, которому теперь необходимо стало доказывать могущество его Бога, давно уже записалъ, какъ совершившійся фактъ, слѣдующее событіе: „И рыба въ рѣкѣ вымерла, и рѣка возмердѣла и Египтяне не могли пить воды изъ рѣки“ (Исх. 7, 21).

Облеку небо во тму, и положу аки вретиче одежду его. ст. 3-й.

Дѣйствія вполне возможны для всемогущества Божія, эти явленія и теперь и прежде часто совершаются въ физической природѣ. Но у пророка Исаи эта рѣчь часто употребляется какъ поэтическая, образы, взятые отъ явленій въ природѣ физической, служатъ для картиннаго изображенія событія изъ будущей народной жизни евреевъ. Время когда небеса покроются мракомъ, когда благодѣтельные дѣй-

ствія небесъ на землю и людей прекратятся, — когда вся природа вообще станетъ въ особенно враждебныя отношенія къ народу еврейскому, — это время, по мысли пророка, плѣнъ вавилонскій. Съ этого момента еврейской исторіи начинается падать и разрушаться самостоятельная жизнь народа; съ этого времени, вплоть до желѣзной власти римской монархіи, совершается процессъ разложенія и исчезновенія гражданскаго и религіознаго строя еврейскаго общества; во все это время небеса дѣйствительно закрыты были для евреевъ непроницаемымъ мракомъ, тогда дѣйствительно „вретище“ — этотъ символъ внутренней скорби (Ис. 37, 1), было у всѣхъ предъ глазами, оно закрывало свѣтъ неба для гибнущихъ людей. — Если Богъ еврейскаго народа имѣетъ могущество такъ омрачать небеса, если отъ Его воли зависитъ положить на свой непокорный народъ тяжелое иго вавилонскаго властителя; то, нѣтъ сомнѣнія, онъ имѣетъ силу и уничтожить этотъ мракъ, положить конецъ чужеземному господству надъ евреями. Въ такихъ дѣйствительно образахъ и описываетъ пророкъ вавилонскій плѣнъ, когда говоритъ рѣчи о гибели Вавилона и о свободѣ еврейскаго народа (Ис. 13, 9—10; 42, 14—16; 44, 27.)

Доказавши могущество Іеговы, давши такимъ образомъ надежду народу на возможность и необходимость возстановленія нарушенныхъ завѣтныхъ отношеній, пророкъ въ дальнѣйшей рѣчи выступаетъ вѣстникомъ избавленія отъ грѣха, — вѣстникомъ общаго спасенія, указывая, гдѣ источникъ этого благовѣстія, гдѣ сила и право вѣстника, говорящаго съ такимъ убѣжденіемъ о благахъ будущаго.

Господь Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово: приложи мя утро утро, приложи мнѣ ухо, еже слышати. Ст. 4-й.

Кого называетъ пророкъ здѣсь и въ слѣдующихъ стихахъ вѣстникомъ учащимся и учащимъ, борющимся съ людьми, много переносящимъ въ этой борьбѣ за свое ученіе и совершающимъ спасеніе людей? Это сложная миссія въ рѣчи пророка предназначена двумъ лицамъ. Одно лицо, которое получаетъ отъ Іеговы слово, право говорить о будущемъ вѣстникъ и совершитель спасенія—это самъ пророкъ; другое лицо самъ совершитель спасенія. Это тотъ Рабъ Іеговы, ученіе о Которомъ пророкъ предлагаетъ народу въ рѣчи непосредственно слѣдующей за произнесенною рѣчью (52, 13—15; 53, 1—12); это тотъ Учитель, Который и въ новозавѣтныхъ писаніяхъ называется такими же именами, и дѣятельность Котораго описывается тѣми же чертами (Дѣян. 3, 13. 26. 4, 27. 30.). Правда, Мессія является вѣстникомъ и совершителемъ спасенія не для вавилонскихъ поклонниковъ, которыхъ имѣетъ въ виду пророкъ въ своей рѣчи,—Онъ спасаетъ все человѣчество. Но дѣло въ томъ: пророческая мысль въ дальнѣйшей рѣчи расширяетъ свой кругозоръ; отъ событія народной жизни она обращается къ великому событію, имѣвшему значеніе для всего человѣчества, отъ спасенія вавилонскихъ поклонниковъ она переходитъ къ спасенію всѣхъ людей.—Этотъ Вѣстникъ воли Іеговы, какъ усердный ученикъ, долженъ быть всегда готовъ къ принятію новыхъ откровеній, съ раннего утра Его ухо должно быть открыто для слушанія. Самъ Богъ руководить этого ученика, Онъ самъ каждое утро приготовляетъ Его къ предстоящей пропо-

вѣди. Главная задача оной проповѣди состоитъ въ утѣшеніи, подкрѣпленіи „изнемогающихъ.“

И наказаніе Господне отверзаетъ уши моя, азъ не противлюся, ни противю глаголю. Ст. 5.

Такъ опредѣляется внутреннее состояніе призываемаго Вѣстника, послѣ божественнаго призванія и наученія. Призываемый сознаетъ, Его воля рѣшаетъ, что Онъ долженъ быть посредникомъ божественныхъ откровеній, Онъ не можетъ уже противиться своему призванію, хотя онъ знаетъ, что путь дѣятельности, на который Онъ вступаетъ—очень тяжелый путь: впереди позоръ, униженіе, поруганіе. Но все это не страшитъ призываемаго, путь страданій избирается уже Имъ свободно.

*Плещи моя вдахъ на раны и ланиты мои на заушенія *)*
лица же моего не отвратихъ отъ стыда заплеваний. Ст. 6-й.

Таковъ путь страданій, полного уничиженія, на который долженъ вступить призываемый Вѣстникъ—Совершитель спасенія народа. То, что въ исторіи ветхозавѣтныхъ страдальцевъ Іова (Іов. 30, 10. 17, 6) и Давида (Псал. 21, 7—8; 68, 8—9) служило только прообразомъ другихъ величайшихъ страданій,—вполнѣ осуществляется на этомъ избранникѣ Бога. Надъ Спасителемъ совершается судъ; возбуждаемые страстью судьи произносятъ окончательный приговоръ—„повиненъ смерти,“—и описывающій этотъ судъ прибавляетъ: „и тогда плевали Ему въ лице, и заушали Его; другіе же ударяли Его по ланитамъ и говорили: прорекі намъ, Христосъ, кто ударилъ Тебя?—(Мѡ. 26, 67—68).

*) Съ евр. собств. *дергающимъ волоса*. Рвать волосы изъ головы или бороды—пытка, существовавшая у евреевъ. (Неем. 13, 25. 1 Езд. 9, 3. Іезек. 29, 18).

Но никакія страданія не могутъ устрашить этого Вѣстника, Онъ вѣритъ въ свое призваніе, Онъ убѣжденъ въ успѣхъ своей дѣятельности.

И Господь Господь помощникъ ми бысть, сего ради не устрашися, но положихъ лице свое аки твердый камень, и разумяхъ, яко не постыжуся. Ст. 7-й.

»Лицо мое какъ камень:« внутренняя сила, сознаніе долга дѣлаютъ это лицо не чувствительнымъ къ боли, наносимой врагами, послѣднюю ощущаетъ скорѣе врагъ, наносящій удары.

Среди тяжкихъ страданій этотъ избранныкъ Бога уже предчувствуетъ свою побѣду, Онъ стоитъ выше людскихъ насмѣшекъ и поруганій, Онъ видитъ въ такомъ поведеніи враговъ зародышъ ихъ собственной гибели.

Зане приближается оправдавый Мя; кто пріяхъ со Мною да сопротивостанетъ Мнѣ купно и кто судайся со Мною, да приблизится ко Мнѣ.... се вси вы, яко риза обетшасте и яко моль изыстѣ вы. Ст. 8—9.

По закону Моисея тяжущіяся стороны должны были являться въ судъ (Второз. 25, 1), стать вмѣстѣ, и судъ выслушивалъ доводы той и другой стороны, при этомъ каждый тяжущійся, судимый могъ имѣть своего защитника (Іов. 31, 35). Результатъ суда въ данномъ случаѣ будетъ такой, что враги судимаго вѣстника, какъ одежда обетшастъ, моль съѣстъ ихъ.— Сравненіе часто употребляемое въ библіи (Іез. 51, 8. Іов. 13, 28) и указывающее на незамѣтное, продолжительное, но вѣрное уничтоженіе предмета сравненія.

Словами Іеговы пророкъ началъ свою рѣчь, словами же Іеговы, стоящими въ непосредственной свя-

зи съ рѣчью 1—3 стиховъ пророкъ и заключаетъ эту рѣчь къ народу.

«Кто въ васъ боится Господа? да послушаетъ гласа отрока его, ходящій во тьмѣ надвѣется на имя Господне и утвердится о Богѣ.» Ст. 10-й.

Вступить въ завѣтъ съ Господомъ, возстановить нарушенныя завѣтныя отношенія для народа возможно; нужно только слушать, сознательно искренно усвоить ученіе Раба посланника, о призваніи и дѣятельности Котораго сейчасъ говорилъ пророкъ. Всемоущій Богъ (2. 3 ст.), Который для возстановленія нарушенныхъ отношеній къ Богу избираетъ посредника, — выведетъ народъ изъ мрака къ свѣту. Безъ содѣйствія этого посредника, спасеніе для человѣка не возможно, кто идетъ противъ Его, тотъ гибнетъ, «въ мученіи умрете.» Ст. 1. *«Се вси вы огонь рождизаете.»* Это образное выраженіе, характеризующее дѣятельность враговъ Раба — избранника Бога. Беззаконіе, говоритъ пророкъ въ другомъ мѣстѣ, какъ огонь, разгорѣлось и пылаетъ въ чашахъ дѣса и поднимаются столбы дыма (Ис. 9, 18.). Особенно же часто этимъ образнымъ выраженіемъ характеризуется людское злословіе: «языкъ огонь, прикраса неправды.... и восплаляетъ кругъ жизни, будучи самъ восплаемь отъ геенны (Іаков. 3, 6).

Такимъ образомъ рѣчь пророка служила утѣшеніемъ для народа; она возбуждала въ народѣ энергію и силы сознать свой грѣхъ, раскаяться, вступить въ завѣтныя отношенія къ Богу. Пророкъ говорилъ, что это единственный путь, слѣдуя которому народъ достигаетъ цѣли своего призванія. Богъ, не желающій

погибели уклонившагося въ идолопоклонство народа, употребляетъ все средства къ возвращенію народа на путь спасенія; послѣднимъ и рѣшительнымъ средствомъ для спасенія народа будетъ посольство необыкновеннаго Вѣстника, Который, спасая „изнемогающихъ“, перенесетъ все, и, путемъ своихъ страній, спасетъ народъ. Вѣра въ этого великаго Вѣстника, посылаемаго всемогущимъ Богомъ, должна поддержать народныя силы въ перенесеніи предстоящихъ тяжелыхъ испытаній.

Вѣра въ грядущаго Мессію, по мысли пророка, должна была поддерживать силы, спасать древній народъ;—вѣра въ Мессію пришедшаго, пострадавшаго за людей, своею крестною смертію искупившаго человѣка—должна служить основаніемъ жизни и дѣятельности христіанина; вѣра въ Спасителя—это сила, дающая человѣку возможность приближаться къ идеалу его нравственнаго развитія.

Богослуженіе страстной седмицы стремится сосредоточить мысли слушателей на личности Бога—человѣка--Спасителя и, главнымъ образомъ, на послѣднемъ завершительномъ актѣ Его земной дѣятельности,—Его страданій и крестной смерти. Безконечно высока личность Спасителя въ состояніи Его крестныхъ страданій; слово, предназначаемое къ наученію человѣка, не можетъ вполне выразить, обнять высоту этого положенія,—идею призванія страждущаго,—все послѣдствія осуществленія этой идеи, ея воплощенія въ дѣлѣ. Новозавѣтное ученіе говоритъ о лицѣ Спасителя яснѣе, опредѣленнѣе настолько, насколько оно предполагаетъ въ искупленномъ человѣкѣ большія силы въ воспримчивости и пониманію

откровеннаго ученія. Представить исторію развитія, выясненія ученія о лицѣ Спасителя,—исторію, постепенное развитіе которой опредѣляется степенью воспріимчивости человѣка;—провести мысль слушателей чрезъ длинный процессъ раскрытія откровеннаго ученія о лицѣ страдающаго Спасителя,—вотъ цѣль избранія Церковію чтеній изъ писаній вѣтхозавѣтныхъ. Рѣчь писателей вѣтхозавѣтныхъ прикровенна, образна, но ученіе пророческой рѣчи направляется къ изображенію той же недосыгаемо—высокой личности Христа; Церковь въ недѣлю воспоминанія страданій Спасителя предлагаетъ слушающимъ все, что дано людямъ въ откровенномъ ученіи для уразумѣнія идеи этихъ страданій,—для пониманія самого лица страждущаго Искупителя.

Еще нѣсколько словъ о пріемныхъ экзаменахъ въ семинарію.

Въ статьѣ своей „Средства къ улучшенію духовно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ“, (см. Еп. Вѣд. за 1876 г. № 2) мы говорили о томъ, какъ тяжелы для кончившихъ училищный курсъ учениковъ пріемные экзамены въ семинарію. Это сильно чувствуютъ ученики, хорошо понимаютъ ихъ родители и родственники, не менѣе это ясно и понятно для учителей. Ежемѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ, подаваемые въ правленіе инспекторомъ, показываютъ, что самый большій процентъ неуспѣшныхъ падаетъ на первый классъ. Это объясняется не только тѣмъ, что ученики недостаточ-

но подготовляются въ училищахъ, не только даже новостію и трудностію предметовъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти ученики начинаютъ курсъ обученія въ семинаріи съ силами истощенными въ продолженіе предвыпускныхъ экзаменовъ въ училищѣ такой или иной подготовки во время каникулъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ тягостнымъ давленіемъ мысли о необходимости этой подготовки и о предстоящихъ экзаменахъ въ семинаріи, и наконецъ въ продолженіе самыхъ экзаменовъ пріемныхъ. Мы упоминали въ той же статьѣ о томъ, что одинъ изъ училищныхъ сѣздовъ духовенства (харьковской епархіи) просилъ преосвященнаго ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ отмѣнѣ пріемныхъ экзаменовъ по крайней мѣрѣ для учениковъ 1-го и 2-го разряда. Но преосвященный въ виду несогласія такого ходатайства съ прямыми указаніями дѣйствующаго устава, отказался отъ такого ходатайства. Не смотря на всю тяжесть пріемныхъ экзаменовъ, они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока училища и семинаріи останутся разъединенными. (Существуютъ пріемные экзамены въ духовныхъ академіяхъ даже для лучшихъ и отборныхъ учениковъ). Въ виду ясно сознанныхъ неудобствъ и тяжести пріемныхъ экзаменовъ, духовенство выражаетъ желаніе по крайней мѣрѣ облегчить ихъ чрезъ измѣненіе времени производства пріемныхъ испытаній. Такъ духовенство петербургской епархіи на прошлогоднемъ епархіальномъ сѣздѣ постановило ходатайствовать о перенесеніи пріемныхъ экзаменовъ со времени послѣ каникулъ на время до каникулъ. По сообщенію „Современности“ дѣло это поступило въ Учебный

Комитетъ. Но такъ какъ духовенство сдѣлало такое постановленіе безъ сношенія съ семинарскимъ правленіемъ, то Учебный Комитетъ сдѣлалъ запросъ семинаріи: не встрѣчается ли со стороны семинаріи, препятствій къ производству въ ней приѣмныхъ экзаменовъ предъ лѣтними каникулами? Въ экстренномъ собраніи педагогическаго собранія, 29 января, послѣ обсужденныхъ премій за и противъ, составлено опредѣленіе въ томъ смыслѣ, что со стороны семинаріи не встрѣчается препятствій къ перенесенію приѣмныхъ экзаменовъ къ доканикулярному времени. При этомъ правленіе выразило желаніе: 1., чтобы годичные экзамены воспитанникамъ IV класса производились въ училищѣ раньше экзаменовъ во всѣхъ другихъ классахъ, въ видахъ предоставленія оканчивающимъ курсъ въ училищѣ возможности хотя немного отдохнуть до приѣмныхъ экзаменовъ и выпустить время для приготовленія къ нимъ; 2., чтобы приѣмные экзамены въ семинаріи производились по окончаніи годичныхъ семинарскихъ экзаменовъ и до начала каникулъ; въ этихъ видахъ придется начинать семинарскіе экзамены недѣлею раньше обыкновеннаго срока; 3., чтобы новый порядокъ производства приѣмныхъ экзаменовъ начался съ будущаго учебнаго года. Приѣмные экзамены во время до каникулъ, помимо многихъ другихъ удобствъ, имѣли бы уже ту выгоду для учениковъ, что еслибы кому нибудь изъ нихъ не пришлось поступить въ семинарію, такъ онъ могъ бы поступить въ гимназію или прогимназію, учительскую семинарію, землѣмѣрное училище и проч., тогда какъ при существующемъ теперь порядкѣ производства экзаменовъ въ концѣ

августа онъ лишается этой возможности. Не для всѣхъ впрочемъ учениковъ училищъ производство экзаменовъ въ доканикулярное время вполне удобно. Мы разумѣемъ учениковъ училищъ, находящихся въ уѣздныхъ городахъ. Этимъ ученикамъ придется два раза прїѣзжать въ губернский городъ, разъ для сдачи экзаменовъ, другой — для ученія въ семинаріи, и притомъ въ первый разъ въ такую страдную пору, когда родителямъ ихъ или родственникамъ некогда думать объ отправкѣ дѣтей въ семинарію. Но это все-таки, кажется, лучше. — Въ виду еще большаго облегченія пріемныхъ экзаменовъ можно было бы, безъ ущерба воспитательному дѣлу, сократить даже число предметовъ, по которымъ производятся повѣрочныя испытанія. Учебные интересы нисколько бы не пострадали, если бы не производились экзамены по свящ. исторіи и церковному уставу и объясненію богослуженія, особенно въ томъ случаѣ, если ученикъ имѣетъ по нимъ удовлетворительные баллы. Свящ. исторія проходится въ семинаріи въ продолженіе всего учебнаго курса подробнѣе, по библіи. Что касается устава церковнаго, то этотъ предметъ нѣкоторые даже считаютъ лишнимъ въ училищномъ курсѣ, такъ какъ училищный курсъ не даетъ права быть псаломщикомъ; этотъ предметъ относится уже къ специальностямъ. Ученіе о богослуженіи входитъ въ курсъ V-го класса семинаріи. Между тѣмъ двойка по какому нибудь изъ этихъ предметовъ можетъ лишить и развитаго мальчика права на поступленіе въ семинарію.

А. Поповъ.

Практическая замѣтка относительно совершенія таинства покаянія въ сельскихъ приходахъ.

Довольно продолжительнымъ опытомъ я убѣдился, да и не разъ слышалъ отъ собратій моихъ сельскихъ священниковъ убѣжденіе въ томъ, что сами простолюдины, большею частію не умѣютъ исповѣдываться.

Не буду говорить о молодомъ поколѣніи нашего просто-народья—многіе люди среднихъ и даже почтенныхъ лѣтъ не умѣютъ открывать своихъ грѣховъ, сами безъ вопроса духовника, да и по вопросамъ-то нѣкоторые исповѣдуются безъ искренняго сокрушенія во грѣхахъ, а замѣтно—равнодушно произносятъ отвѣты „грѣшенъ“, „нѣтъ“. Нерѣдко представляется духовнику, что иной исповѣдникъ пришелъ къ нему не для того, чтобы раскаться въ своей нравственной испорченности и исцѣлиться отъ своей болѣзни духовной, а чтобы, такъ сказать, сдать съ рукъ дѣло безотчетнаго обычая. А попробуй духовникъ предложить приходящимъ на исповѣдь открывать свои грѣхи самимъ, безъ вопросовъ съ его стороны, онъ не обрадуется таковой попыткѣ.—Одинъ изъ нихъ скажетъ: „грѣшенъ во всемъ, что ни ступили, то согрѣшили, вотъ и все“, другой проглаголетъ: „какіе у насъ грѣхи-то? Иной, пожалуй, перечислитъ нѣкоторые грѣхи свои, но не самые тяжкіе, но грѣхи болѣе общіе.

Какимъ же именно способомъ сельскій пастырѣ можетъ удобнѣе и скорѣе достигнуть того, чтобы его пасомые умѣли осмысленно и благоговѣнно исповѣдываться? Для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса, полезно отвѣтить прежде на такой вопросъ: отъ какихъ причинъ произошло неумѣніе нашего простонародія исповѣдываться? Во-первыхъ, отъ неразвитости простаго народа; во—вторыхъ—и главнымъ образомъ, отъ поверхностнаго отношенія къ долгу учительства нашихъ предшественниковъ—сельскихъ пастырей.

Въ прежнія, — недавнія, времена, въ сельскихъ приходяхъ исповѣдь совершалась большею частію поверхностно, машинально, безъ должнаго вниманія. Въ помѣщичьихъ селахъ, въ былыя времена, говѣніе производилось по порядку экономическихъ властей. Бывало пригонять прямо съ барскаго гумна въ церковь для говѣнія, молитвы, исповѣди и пріобщенія Св. таинъ сотни двѣ, три или четыре народа; нерѣдко — прямо къ исповѣди; для совершенія оной пастырь-духовникъ самъ пристроится въ церкви, или въ сторожкѣ; а готовящийся къ исповѣди народъ помѣститъ въ оградѣ на холоду, не побесѣдовавъ съ нимъ предварительно ровно ни о чемъ. Здѣсь народъ частію отъ бездѣлья, частію отъ холода, забавляется предъ исповѣдью, кто какъ угораздится, — кто пустыми разговорами и смѣхомъ, кто шалостями. Отсюда по одиночкѣ впускаютъ къ духовнику: причѣмъ обыкновенно происходитъ толкотня, драка, шумъ, смѣхъ и ругань; а духовникъ, въ виду большой массы исповѣдниковъ старается о томъ, какъ бы скорѣе покончить съ каждымъ исповѣдникомъ, да поскорѣ сдать съ рукъ свое нелегкое дѣло. Подобнымъ порядкомъ, за исключеніемъ пригоновъ народа, совершалась исповѣдь и въ большей части вольныхъ селъ. Могъ ли научиться должнымъ образомъ исповѣдываться нашъ простой народъ, когда онъ былъ такъ плохо приготовляемъ къ исповѣди? Могъ ли онъ понять всю важность исповѣи, когда ему не внушали важности сего таинства? Онъ зналъ только, что, при совершеніи исповѣди, ему нужно такъ, или иначе отвѣчать на вопросы духовника, а потому и не старался вникать въ себя и размышлять о своемъ нравственномъ состояніи.

Но этотъ же самый простой народъ можетъ, хотя и не сразу, научиться приносить внимательную и осмысленную исповѣдь, если пастыри будутъ стараться хорошенько при-

готовлять его къ этому дѣлу. Цѣль эта, какъ видно изъ опыта, можетъ быть достигнута при такомъ образѣ дѣйствій пастырскихъ.—Пусть каждый пастырь начинаетъ готовить своихъ прихожанъ къ исповѣди съ недѣли Мытаря и Фарисея простыми наставленіями, пусть выяснитъ имъ, что молитва христіанская должна быть возносима отъ сокрушеннаго и смиреннаго сердца; что христіанину надобно вникать въ состояніе своей души, раскаяваться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и обращаться на путь добродѣтелей; что христіанину должно всегда готовиться къ отвѣту на страшномъ и праведномъ судѣ Божіемъ; что молитва и покаяніе христіанина должны быть приносимы въ мирѣ со всѣми. За тѣмъ, пусть пастырь скажетъ прихожанамъ, что и всѣ они должны исполнить въ наступающую čtyредесатницу христіанскій долгъ говѣнія исповѣди и пріобщенія св. таинъ, не откладывая сего, спасительнаго дѣла мнимыми недосугами и безтолковымъ „не снесешь“; что они должны исполнить этотъ долгъ не всѣ вдругъ въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, а по очереди членовъ семейства, чтобы не было въ храмѣ Божіемъ тѣсноты; что каждый изъ нихъ долженъ ходить не опустительно ко всѣмъ церковнымъ службамъ, начиная съ первыхъ дней избранной для говѣнія и молитвы недѣли.

Въ началѣ каждой недѣли пусть пастырь объяснитъ говѣющимъ сущность христіанскаго говѣнія, потомъ, въ теченіи недѣли, пусть объяснитъ имъ—устно или потетрадеѣ—Символъ вѣры, молитву Господню, Евангельскія блаженства, Божественное десятословіе, Св. Таинство покаянія—сперва цѣль установленія и спасительную силу его, а потомъ образъ совершенія сего таинства. Исповѣдывать же слѣдуетъ въ храмѣ Божіемъ, кромѣ случаевъ слабаго здоровья пастыря, а держать готовящихся къ исповѣди въ церковной оградѣ, на морозѣ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ; не лишне было бы,

призвать народъ къ исповѣди, смотря по времени, повторить ему кратко объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и Божественнаго десятословія, при чемъ можно заставить инаго мальчугана повторить объясненіе.

Послѣ такого приготовленія, нѣтъ сомнѣнія, каждый простолюдинъ будетъ приносить болѣе или менѣе осмысленную и благоговѣйную исповѣдь. (Сарат. Епарх. Вѣдом.)

Священникъ Василій Михайловскій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Содержаніе январской книжки „Православнаго Обзорнія“.

Слово въ день св. ап. Іоан. Богослова, архіепископа Волынскаго.—Теологическая идея и матеріализмъ В. Д. Кудрявцева-Платонова.—Три силы. Публичное чтеніе Вл. С. Соловьева.—О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ русскимъ переводомъ св. книгъ ветхаго завета. П. Н. Горскаго-Платонова.—Слово въ день годовичнаго праздника моск. д. семинаріи. П. М. Апостольскаго.—Современная ученость и христіанство. По поводу книги Дрэпера.. „Исторія столкновеній между религіею и наукою“, П. А. Милославскаго.—Наше духовенство по произведеніямъ беллетристики: Изъ дня въ день. Записки сельскаго священника Л. Л.—Современное обзоріе: Славянскій вопросъ. свящ. М. М. Воздвиженскаго.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе январской книжки журнала, Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія: „О православномъ христіанствѣ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи новозавѣтномъ канона—противъ Баура. Покойнаго ректора Моск.

акад. А. В. Горскаго. Необходимость предположенія о лицѣ, ученіи и дѣлахъ І. Христа въ виду двухъ безспорныхъ фактовъ евангельской исторіи. Секты въ іерархіи и общее ея состояніе. Очеркъ внутренней исторіи восточной церкви IX, X и XI в. А. Лебедева. О вліяніи христіанства на греко-римское законодательство. В. Соколова. Древній египетъ и исходъ евреевъ въ германію. II. Учебное руководство по предмету св. Писанія В. З. Вып. I, Д. Афанасьева. Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ В. З. Орды. Современное сектантское движеніе въ Россіи, его причины и мѣры противъ него. Матеріалы для исторіи русской церкви. Въ приложеніи: правила Св. Всел. VI Собора Константинопольскаго. Замѣчанія на древнеславянскій переводъ псалтири XIII—XIV в.

О пожертвованіяхъ поступившихъ въ пользу страждущихъ славянскихъ семействъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Сербіи, Болгаріи и Черногоріи и по принадлежности отосланныхъ въ теченіе февраля 1877 года.

Отъ церкви пензенской епархіи по благочиніямъ—протоіеревъ Михаила Львова 361 р. 91 к., Іакова Алмазова 250 р., Петра Масловскаго 20 р., Тимофея Голубева 100 р., Іоанна Юницкаго 42 р. и священниковъ—Сергія Росницкаго 73 р., Іоанна Автократова 154 р., Константина Небосклонова 8 р. 70., к., Іоанна Потоцкаго 71 р. 35 к. и отъ церковныхъ старость сель—Липяговъ 7 р., холста 96 аршинъ, Пустыни 17 р. холста 80 аршинъ, 16 паръ чулолъ, 18 штукъ бѣлья, 2 овчины, 1 полушубокъ и 1 полукофтанъ, села Крутца 6 р. 10 к., холста 60 аршинъ. Итого 1111 р. 6 к., а всего съ преждеотосланными отъ причтовъ, ихъ приходскихъ церквей, отъ монастырей и общинъ епархіи 18,139 р. 3¹/₂ к.

Продолжается подписка на „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ на 1877 годъ.

Выписывающіе получаютъ всѣ номера журнала и прибавленій, начиная съ перваго.

Цѣна за 51 номеръ „Церковнаго Вѣстника“ съ прибавленіями „Христіанскаго Чтенія“ (всего—больше 250 печатныхъ листовъ)—семь рублей съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе, съ пересылкою и доставкою—пять рублей; „Христіанское Чтеніе“, съ пересылкою и доставкою—тоже пять рублей.

Можно получить полные экземпляры „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ за 1875 и 1876 годы—по ПЯТИ рублей за оба годовыхъ изданія вмѣстѣ, и по ТРИ за каждое годовое отдѣльно.

Адресоваться: въ редакцію Церковнаго Вѣстника при с.-петербургской духовной академіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. Библейскій догматъ о происхожденіи и сущности грѣха, Е. Успенскаго.
2. Чтенія изъ пророческихъ книгъ при богослуженіи страстной седмицы.
3. Еще нѣсколько словъ опріемныхъ экзаменахъ въ семинаріи А. П.
4. Практическая замѣтка о совершеніи таинства покаянія въ сельскихъ приходахъ.
5. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинарій:

А. Поповъ.

Н. Смирновъ.

Дозволено цензурою. Пенза, 15 марта 1877 г.

Цензоръ, ректоръ семинаріи, протоіерей С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.